

Елизавета Постникова

Записки революционерки

Санкт-Петербург
2018

Баку — с февраля месяца 1909 года по июнь 1910 года.

3 февраля я уехала работать в Баку, где еще сохранились остатки партийной организации и куда меня звали.

Когда я приехала в Баку, то оказалось, что там не только были остатки с.-ровской организации, а там была огромная организация, совершенно еще сохранившаяся. Ее не коснулись глубоко ни административная репрессия, ни азефовщина, в смысле ее организационного разоружения. Организация была настолько сильна, что тот или иной арест в периферии моментально наполнялся из резервов ее; в верхах чувствовались недостатки в работниках-интеллигентах, но это последнее уже стало бытовым явлением во всех организациях Партии.

Около Исполнительного комитета активно работающих и несущих ответственные функции было свыше ста человек с.-ров. За полтора года нашей работы и моего пребывания в этой организации не было ни одного обыска, кроме как у Курима (484), ни одного провала среди этой группы лиц. Мы так сомкнулись, сжались и спрятались под влиянием азефовщины в подполье, что проникнуть провокатору было трудно. За это время наша работа достигла колоссальных размеров, небывалых в смысле

издательских достижений, небывалых в смысле того количества пропагандистов, которых мы провели через наши партийные семинарии, и небывалой в смысле нашего фактического господства среди промышловой демократии.

В своем описании партийной работы в Баку отчасти буду придерживаться моей корреспонденции из Баку, напечатанной в № 31 «Знамени Труда». Корреспонденции уже писала в Москве, куда пришлось уехать после грандиозного провала нашей типографии. Наша типография блестяще просуществовала полтора года, ее оборудование позволило приступить к печатанию номера «Знамени Труда» для Центрального Комитета. Это был номер 25-й. Арест типографии случился почти накануне первого мая. В типографии, кроме отпечатанного номера «Знамя Труда» в 3 тысячах экземпляров, были взяты первомайские прокламации, в десятках тысяч экземпляров.

Вместе с ними был взят текст прокламации, написанный мною. В ту же ночь почти у всех активно работающих были обыски. Был обыск в квартире Постникова, где я жила. По уходу полиции мы ликвидировали квартиру и почти все активно работающие перешли на нелегальное положение.

Путь, каким была раскрыта типография извне, был гениальный, если можно так выразиться, о нем я буду рассказывать позднее.

Главным вершителем дел в Баку был совет бакинской организации, он выбирал исполнительный комитет, который и орудовал в организации. В исполнительном комитете работали М. Н. Успенская, С. П. Постников, рабочий Тихомолов (485) — кличка «Тихомолыч», Виктор (486) нелегальный, Фома нелегальный (487) и дядя Коля (488) — полулегальный. По обсуждении моей кандидатуры меня кооптировали в комитет.

В Областном комитете работали: М. А. Сундукианц, и, кажется, Петрович.

Прежде чем сделать описательный облик названных мною лиц, которые мне не были раньше знакомы, я расскажу о том настроении, которое было тогда в Баку.

Худшего душевного состояния, которое мы переживали тогда, и представить себе нельзя. Мы только что получили и прочли №15 «Знамени Труда» от февраля месяца 1909 года, посвященный целиком делам Азефа. Из него мы узнали подробно всю историю Азефа.

Правда, все мы прекрасно понимали всю важность этого несчастного события в жизни Партии и хотя отлично знали, что нелегко и так быстро изживется оно и что надо запастись долгим терпением, но все же всем нам крайне тяжело было пережить всю эту трагедию.

Собственно говоря, мы — периферия, и с ней вся Партия, только сейчас полностью переживала эту провокацию и жестоко терзаясь ею. Моральный удар был нанесен нам в самое сердце. Мы видели, как инфекция азефовщины распространялась все глубже и глубже.

* * *

После конференции активных работников, которая состоялась в первые дни моего приезда, мы стали подготовлять районы к созыву совета организации. В это время приезжает Борис Михайлович (Александр Алексеевич Ховрин) как уполномоченный ЦК с тем, чтобы мы произвели выборы на V совет Партии. Просил действовать скорей. Действительно надо было действовать спешно, и мы собираем ускоренным темпом совет организации и выбираем делегатом на совет Партии Сергея Порфириевича Постникова, который под фамилией Поспелов выступает на совете.

До совета организации на конференции работников мы вынесли ободряющую резолюцию ЦК вообще, но это не мешало нам в ней торопить верхи к созыву скорейшего совета Партии, чтобы формально устраниТЬ от активного руководства лиц, непосредственно связанных долгой работой с Азефом, которых центральное положение было двусмысленным.

Без приведенной мною части мотивировки резолюция наша была полностью напечатана в № 7 «Знамени Труда» от

27.04.09.

* * *

В своей корреспонденции из Баку я говорила, что, начиная свое описание с начала 1909 года, я упомянула о том, что вся организация со времени Лондонской конференции до описываемого момента, то есть до девятого года, находилась в периоде спаивания разрозненных частей. До этого она пережила целый ряд крупных арестов и в силу этого не было возможности вести большой углубительной работы: работа была направлена, таким образом, на налаживание организационной стороны.

Между прочим, подтверждение этому я встретила в статье неизвестного мне автора, помещенной в виде корреспонденции из Баку в № 18 «Знамени Труда». В этой чужой корреспонденции, кроме сказанного, отмечается характерная черта работы Бакинской организации, которая в мое время не только не исчезла, но ярко выпятилась.

Эта черта — успешное участие партийных рабочих в экономических организациях. Чистая политика отошла на второй план. Это я сильно почувствовала на первом совете организации, где идеологи «долой подполье» выступили во всей своей широте.

Крупным из идеологов этого направления являлся «Тарас» по фамилии Бахметьев (494). На него ориентировались наши два комитетчика, Фома и дядя Коля. Вскоре эти оба ушли от партийной работы, но у дяди Коли все время были срывы обратно к нам. «Тарас» был видный конспиративный работник, успевший подчинить себе в недолгий срок Биби-Эйбатский кооператив «Труд» по электрической силе, и кооператив этот с большим успехом устраивал свои отделения во многих районах: в Балаханах, в Черном городе, в Белом городе и Сураханах, начиная проводить там всюду аналогические тенденции под влиянием жизни.

Твердо не помню — был ли в Сураханах кооператив или еще где-либо. Твердо помню, однако, что у Тараса был огромный запас энергии. Знаю и то, что у него была огромная нетерпимость к подпольной работе. Сразу же, на первом собрании я почувствовала в нем в отношении нас антагониста. Кроме того,

Тарас будировал и уходил из организации. Самое лучшее было согласиться на его желание — пусть уходит и делает свое верное и спокойное дело, а не «мутит» народ в организации.

Вся его сила была на Биби-Эйбат, там же работали я и Тихомолов, и, может быть, избыток нашей энергии был вызван напором Тараса уничтожить подпольную организацию.

Конечно, наша работа не была состязанием с работой Тараса, к которой я и мы относились с симпатией и отдавали ей и тогда и сейчас должное, но разрушать подполье за счет легальной работы в ликвидационный период азефчины я считала легким и жестоким делом. Тарас стоял на самом правом крыле нашей Партии и подход у него был ликвидаторский — меньшевистский.

Отсюда и термин «ликвидаторский» — ликвидировать подпольную политическую организацию. Но аполитизм кооперативов опередил Тараса и кооперативная работа отошла до лавочных интересов. Чтобы быть до конца справедливой, надо заметить, что вопрос о желательном типе работы: в подполье или в экономических легальных организациях не местного бакинского масштаба.

Этот вопрос входил повседневно в жизнь Партии все остree и остree. Мы уже видим, что эти вопросы начинают дебатироваться в социал-демократической и нашей прессе. Мы видим уже статьи по этим вопросам в «Знамени Труда». Самым ярким легалистом можно назвать Б. Н. Лебедева-Воронова (см. его статью в № 18 «Знамени Труда» от 16 мая 1909 года).

Этим вопросом был заинтересован V совет Партии. Все время в «Знамени Труда» появляются статьи с тем или иным уклоном, потому я отклонюсь немного в сторону и укажу на статьи Н. Н. Соколова в № 25 «Знамени Труда», за подпись Старого работника.

Он тоже волнуется вопросами повседневной жизни демократии и упрекает верхи, что все новые вопросы легальной работы для Партии являются как бы насыпками... Вслед за этой статьей появляется статья на ту же тему, но совершенно в других тонах, сдержанных, автора В. М. Зензинова 495 в № 26 «Знамени Труда» под названием «О партийных задачах времени» за подпись Ал. Клюева.

В № 30 «Знамени Труда» помещена статья Н. Д. Авксентьева под названием «Ответ Воронову», за подпись Н. Д., и, наконец, в № 32 «Знамени Труда» мы находим статью С. П. Постникова за подпись А. Поспелова.

Эта статья, солидаризируясь с «Ответом Воронову» Авксентьева, расходится со статьями авторов Старый работник и Ал. Клюев в оценке действительной тактики партии в легальных организациях. Эта статья интересна своими фактическими итогами нашей партийной работы в легальной организации за пятилетний период времени.

Так как я лично участвовала почти во всех этих организациях, то излишне будет здесь развивать свою точку зрения, которую можно назвать параллелизмом политики и экономики. В дальнейшем, когда подполье было совершенно уничтожено, этот вопрос стал для Партии настолько тяжелым, что его идеологи сгруппировались вокруг газеты «Почин», издаваемой в Париже и редактором которой был Лебедев-Воронов.

Слетов принимал живейшее участие в этой редакции. У меня совершенно не сохранилось в памяти участие Чернова в этой полемике. «Почин» вышел в номерах.

* * *

Возвращаюсь к описанию Бакинской организации, скажу, что весь совет организации был численностью около 50–60 человек. Одних решающих голосов было 30. Мне трудно сейчас вспомнить, как было произведено это представительство по районам, но на совете была представлена рабочая организация из четырех районов: Балаханы, Биби-Эйбат, Городской район и Белый город, Морской район.

Представители армянской организации с.-ров, представители нефтепромышленного совета и союза металллистов, затем представители всевозможных профессиональных советов города, которые были с.-р. организации. Дальше следовали представители кооперативов, из учительского союза, а также целый ряд работников от той или иной группы несут различные партийные функции: литературная комиссия при О. К., финансовая комиссия, техническая группа, уполномоченные О. К. и П. К.

Количество рабочих на этом совете было подавляющее, но не чувствовалось недостатка и в интеллигентах. В течение всего времени, как длился совет, можно было отметить у рабочих достаточный опыт по организационным вопросам, правильные взгляды по вопросам нашей тактики, но недостаточную освещенность в области теории.

В организации не было определенной группы пропагандистов, а если имелись отдельные лица, то занятия с рабочими носили случайный и бесконтрольный характер.

Мы, вновь приехавшие, предлагаем начать занятия в кружках по специальностям и вести свои занятия путем семинара. Здесь же удастся выяснить, что занятия в кружках велись по такой системе, что от террора переходили к политической экономии, а от нее к аграрному вопросу, у с.-д. Это было общее несчастье всей подпольной работы, когда одному и тому же человеку приходилось читать о крепостном праве, а потом общине.

Если нам не удавалось строго распределить занятия по специальностям, так как нас было страшно мало, то мы применяли в занятиях такой способ. В целом ряде однотипных кружков преподавали один и тот же предмет и завершали это занятие общим собранием всех кружков, на котором и устраивали собеседование на пройденную тему.

Результаты получались сверх ожидания блестящие, из всей массы выделялись способнейшие и начитаннейшие рабочие, для них мы создали высшие школы.

* * *

После отъезда Постникова, успевшего войти в Морской союз и о котором я буду говорить, нам пришлось разделить организацию так: М. Н. Успенской вместе с Фомой и дядей Колей вести Балаханы. Кроме организационной работы Успенская вела там два кружка высшего типа. Один — исключительно по философским вопросам, другой — по общепрограммным. Я не буду здесь говорить о кружках мелких, которые велись самими рабочими из высшей школы — их было много, и всех не приведешь.

Городским районом ведал Виктор, но, собственно говоря, весь район был на руках рабочих с.-ров, как русских, так и армян, участвующих в профессиональных союзах.

Сураханский район обслуживался дядей Колей через Нефтепромышленный союз рабочих. Я взяла вместе с Тихомоловым весь Биби-Эйбатский район.

* * *

Мне хочется сказать несколько слов о Баку, этом поистине евразийском городе, и его окрестностях. Что такое Биби-Эйбат?! — это бухта Каспийского моря, где часть моря предполагалось засыпать, так как там было бездонное море мазута. Вдоль берега идут промыслы, и здесь не только земля, но и воздух, и вода были насыщены мазутом, а на Биби-Эйбате все же можно было дышать: близость воды и прибрежного ветерка-марены или же с севера норда, уносивших неприятные запахи в сторону, освежало место.

Всего час езды на линейке из Баку, и вы попадаете в этот район. Если же Биби-Эйбат рассматривать как красивое и живописное место на берегу моря, то это совсем не то! Там страшно с обычной точки зрения: ибо земля, мазут, руки, ноги, одежда — черным-черно. Дыхание сперто, глаза воспалены.

Температура летом свыше 55 градусов. Весь Биби-Эйбат и все промысла в мое время были покрыты белеющими вышками, они сделаны из гипсолита, огнеупорного вещества. Эти вышки, будто лилипуты Эйфелевой башни, такой формы, как имела она сама, если ее немного сфотографировать, то будет похоже.

Высота этих вышек равна трехэтажному дому, посреди нее движется бадья по стальному шнуре через колечко, прикрепленное вверху. Так черпается мазут, одна бадья опускается, другая — поднимается. Я не знаю хорошо механики черпания мазута, также и очертания вышки мазутной, но это трудная и черная работа. И только шахтеры уступают нефедобытчикам.

Много неожиданностей и случайностей в жизни нефтяного артельщика. Забьет фонтан, выскочит камень, высечет искру о металлическое колесо, огонь — пожар, горит вышка, горит фонтан, горит промысел, горят промысла.

Не рады рабочие никогда фонтану — или пожар, смерть и гибель; или забьет фонтан и в одну ночь покроет все годовые расходы по промыслу и всю годовую добычу нефти и все заработки. Рабочий остается без работы. Вот почему так крепко держались, даже темные элементы, за союз, за возможность страхования от безработицы, в случае чего.

Быть может, как бы за счет компенсации гнева земли, изрыгающей из себя черную гадость, небо посыпает на фонтаны пожары и этим урегулируется рабочий вопрос.

Надо заметить, что не все фирмы драконовски рассчитывали рабочих после фонтана. И мне кажется, что между фирмами Нобеля и Манташева (496) эти вопросы были урегулированы отчасти, но дело в том, что полностью содержать безработный штат ни промысел, ни одна фирма не могли, да и промысел не мог выдержать большого количества нефти, так как инвентарь промысла не был соответственно устроен.

Некоторые, и в том числе мусульманские, фирмы склонны были заподозривать рабочих в кознях, в поджогах фонтанов, чтобы рабочие не лишились заработка. Это — большая неправда!!

Когда горит фонтан, на промыслах паника, черный дым стелется на землю и некуда бежать. Здесь же и казарма, и дети, и скарб, и последняя рубашка. Хорошо, если ветер в сторону подует.

Я видела один пожар, страшно, жутко... Никто его не хочет... И жестоко обвинять рабочих в такого рода пораженстве!

При входе на Биби-Эйбат, налево, стоит тюрьма. Знаменитая Баиловская тюрьма (497) двором соприкасается с морем и дорога тюремная спускается далеко в море. И море здесь глубоко, Далеко не уплыvешь!..

Напротив тюрьмы расположено здание электрической силы и там же кооператив «Труд». Биби-Эйбат несколько предемократичен. Мне показывали рабочие места над Биби-Эйбатом, где в 1905 году они мечтали устроить рабочие городки, чтобы увести население из промыслов, это необходимо было сделать даже и в интересах промышленности, не говоря уже об интересах тружеников, дети которых росли черными галчатами...

Балаханы находились в часе езды от Баку. Там старые промыслы, старый город. Я была там больше 300 раз, но я не могла запомнить ни улиц, ни пропусков, ни пустырей, ни брошенных мест, ни богатых или бедных промыслов.

Бросались иногда вотще одно или два здания электрической силы, потому что они диссонировали с общим ландшафтом.

Народы, населяющие Балаханы, можно сказать, были всех наречий и племен Азии и Европы. Больше Востока, чем Запада. Наши — белые — сквозь сажу и мазут светились голубыми сероватыми глазами. Там были и русские южане, но больше черноглазые с Востока, из них живые грузины, приветливо-гостеприимные, армяне — плутоватые какие-то, с глазами, будто иглы. Шли потом: мусульмане, турки, персы и еще (как будто почему-то нация отдельная) — караимы.

Смешаны там все народы, и совсем поэтому не спокойно жилось там.

Женщины все были в покрывалах, носили шаровары, а на ноги надевали маленькие туфельки без задников на высоких каблуках; убегали при всякой возможности в сторону от прохожих. Мусульманские женщины очень чистые с виду. Там же встречались с 12 косичками, по сторонам заплетенными, и старушки, и молодые армянские жены, и сверх этих косичек белый кусочек вуали. Как бы под венец им одели.

Грузинок я не видала, этих женщин так мало. Есть там и дикий (419) народ, но их я не видала, а может, и нет его, хотя легенда о существовании таковых еще живет в Сураханах.

Странный там народ и неведом он Западу, и если расскажешь, то, наверное, не поверят, что, возвращаясь с занятий, где битых три часа говорила о минимуме заработной платы, о восьмичасовом рабочем дне, о праве на страхование, о праве на труд, — я встретила голых рабов, черных от солнца, цепями себя бьющих, и с кровью на теле, с рубцами наравне, как цепи. Они скорбно шли с факелами красными, мазутом смердящими, в печали глубокой. Шли с согнутыми спинами, склоненными головами и не видели ни тебя, ни прохожих и только лишь цепями били себя.

Ужасно представить, как страшно больно бывают они себя! Ушли... столбы пыли, и цепи звенят все тише и тише, и только красные факелы светятся и черный от них идет смрад. Что это?! — ночь р а с к а я н и я. Эта религиозная церемония предшествовала празднику Шахсей-Вахсей (498).

* * *

Черный город — это совсем не самое ужасное место, там перерабатывают мазут на нефть, бензин и краски. Может, правильнее сказать р а з л а г а е т с я мазут на эти вещества.

В Черном городе по трубам за десятки верст течет мазут, а из Черного города — в Белый поступает по трубам, и там уже белые цистерны наполняются всякими продуктами: бензином, керосином и всем тем, чего Европа не может выдумать в своих лабораториях.

Из Белого города трубы идут в море, а в море подплывают пароходы и идут они вверх по Волге или вниз по Каспию на другую сторону — в Азию.

* * *

Морской союз (499), оставленный на некоторое время без руководителя из-за отъезда Постникова, был на нелегальном положении. В этом союзе насчитывалось до двух тысяч членов, в наше время число плательщиков было свыше 600 человек. Они имеют свою газету «Морские волны», которую вел С. П. Постников; жизнь в Союзе была, несомненно, он вел переговоры с хозяевами, которые все же считались с представителями союза.

Все мелкие конфликты разрешались немедленно, и это имело колossalный успех в рабочей массе. Союз поддерживал безработных, всем членам союза оказывалась медицинская и юридическая помощь безвозмездно. Мне несколько раз передавал Постников, как удавалось предотвратить всевозможные конфликты хозяев с рабочими с помощью своевременного вмешательства союза.

Союз обслуживал моряков Каспийского моря и имел связи с Волжским судоходством. История Союза длинная. В наше время сидел в тюрьме председатель Союза моряков под кличкой «Костя». Какая-то легендарная личность по бесстрашию и сообразительности.

Это был Семен Иванович Верещак (500). Родом из крестьян, он своими не дюжими способностями выходит в верхи организации и в Союзе моряков творит чудеса.

Я мало его знала, мало знаю революционную его карьеру, встречаю его уже за границей в 24-м году, где он уже почти что инженер. Дошел он до этого самоучкой. Около союза был еще немолодой учитель под кличкой «Курилка» (501), его жена — Шура (502) и мрачный тип — Семен (503).

Через недели две после отъезда Постникова был выпущен из тюрьмы рабочий «Вася», тоже работник в Морском союзе. Это Федор Андреевич Стадников (504); в 17-м году от Воронежской губернии он прошел в Учредительное собрание. Вся его революционная карьера прошла в крестьянской организации Воронежской губернии и в восстаниях. Своей внешностью рабочего-крестьянина это человек привлекал к себе всех, человек с небольшим образованием, но большого природного ума, он сразу очаровывал людей. Под демократической внешностью у него была тонкая душа, он обожал детей,

и дети обожали его. Женившись на интеллигентной барышне, он как-то несколько растерялся выпавшему счастью, и когда этот брак разлетелся, Вася стал тем же обаятельным революционером.

Я не знала его конца, но попав в тыл белых и видя их зверства, Стадников, движимый лучшими чувствами, спасает от расстрела и изнасилования большевичку у себя в лазарете. После этого случая его большевики не трогают в Советской России, и до 21-го года я знаю, что он не пользовался никакими привилегиями бывшего революционера.

Около Постникова работают два моряка Сережа (505) и Костя (506), и еще служащий на трамвае — контролер. Он вел свой союз.

Весь центр нашей промысловой работы лежал в Союзе нефтепромышленных рабочих и в Союзе механиков рабочих. Оба Союза, охватывающие тысячи занятых на промыслах рабочих, в это время выдерживали колоссальный натиск на себе новых и новых репрессий политического и экономического характера.

В конце концов, создалась такая ситуация, что союзы не могли участвовать в событиях рабочей жизни и существование их свелось к нулю.

После проигранных забастовок рабочие уходили из союзов, жизнь в них замирала, и мы тщетно бились, как задержать бегство из союзов. Мы почти принудительно заставляли своих однопартийцев оставаться до последнего издохания союза, но политический натиск извне уничтожил экономическую самозащиту рабочих и союз умирал на наших глазах.

Настолько было все катастрофически в этих словах, что я не почувствовала их души. Разрушению союзов способствовали еще разнонациональный состав промысловых рабочих и связанный с ним национальный антагонизм.

Чтобы задержать стремительный поток демократии из мертвых форм союзов и оживить классовую борьбу, мы стали устраивать рабочие клубы, но здесь же на первых порах пришлось остановиться. У нас не хватало людей на эту культурно-социалистическую работу, так как все почти наши интеллигенты были нелегальными, и мы пассивно смотрели, как первых две-три недели с.-д. в клубах имели успех. Они сделали то, на что мы не решились, сняли с подполья работников и бросили их на клубную работу. Но это тянулось недолго: аресты культурников и разгромы клубов согнали тех в подполье, кто уцелел.

Этот эксперимент нам ничего не стоил, а с.-д. был нанесен удар. А уцелевшие клубы носили специфический характер клубов «танцулек» и чаепития. Даже и в такие учреждения советовали мы идти своим рабочим, чтобы быть в повседневной жизни своего собрата.

Кооперативная организация, имеющая свой «Трудовой Голос», держалась при нас несколько дольше других легальных организаций. Ее родоначальник — наш покойный товарищ Щеглов (Федотов) (507), уделил не мало сил и энергии, чтобы раскинуть сеть кооперативов в Баку. Его арест и смерть вынули живую душу из кооператива, и мы уже видим там дух аналитизма, как в головщике Тарасе, так и в «Голосе Труда».

Без идейного содержания кооператив выродился на наших глазах в простую лавочку и дольше других организаций держался.

* * *

Городская организация, которой ведал Виктор и которая являла собой узел городских профессиональных союзов, имеющих ц. бюро, обслуживалась не одним десятком с.-ров. Мне трудно сейчас прикрепить то или иное имя к тому или другому профессиональному союзу, чтобы не вышло ошибки, но я назову имена лиц, которые работали в городском районе: Баласян (508), по профессии приказчик обувного магазина, по происхождению и внешнему виду интеллигент. Затем старик с.-р. бакунист, он был связан с печатниками и книготорговцами. Исаак (509), рабочий-еврей от профсоюза гладильщиков, самоучка, прошел в комитет организации и был на своем месте. Василий (510), владелец прачечного заведения и в то же время имеющий какое-то отношение к слесарскому искусству. Александр — Саша (511), служащий в кустарном магазине и принимавший наиживейшее участие в работах ц. Бюро профессиональных союзов. Александр — интеллигент, имеющий какое-то отношение к трамвайным служащим. Софья Ивановна (512), акушерка, она не имела никакого отношения к союзам, но сидела на явке городского района.

Около этой публики, или, вернее, эта публика пользовалась для конспиративных целей квартирой барышни Зины (513), которая была хозяйкой в какой-то иностранной фирме, и большое помещение было к нашим услугам. Помогала нам еще Вера Корсунская (514) и Надя Дерзиобская (515), приехавшие в конце лета из астраханской ссылки. Брат Виктора бегал по всем поручениям и, наконец, Елизавета Моисеевна (516), фельдшерица в лечебнице доктора Галкина (517), была самым верным человеком не только в городском районе, но и у комитета. Скоро мы ее поглотили всецело, и она ушла на конспиративную работу вся.

Эта вся публика, кроме Саши и брата Виктора, работала давно в организациях и сидела не раз в тюрьме. Они были связаны не только с городской массой, но некоторые из них занимались хранением и транспортированием литературы.

Типография стояла особняком, и никто с ней не обращался из всей этой компании, кроме Виктора, который совершенно ушел от партийной организации и отдался всецело издательскому нашему делу, о котором я буду подробно писать. Летом приехали братья Тер-Оганяны (518). Студенты. Один назывался — Ваня, другой — Рубен (519), ему во время армянской резни прострелили ногу и он ее потерял, и третий брат, к сожалению, забыла его имя. Все они с живейшим интересом посещали наши общие собрания пропагандистов. Их приятель, бывший южный областник по кличке «Князь» (520), появился с их приездом; он был на двух-трех крупных собраниях. У него, как мне казалось, несмотря на его заслуги в области революции, если у него они и были, остался еще не изжитый предрассудок его предков, что женщина — баба и в политике ей не место. Он не остался у нас работать и мне он не понравился, также, как и я ему.

* * *

Около О. К. или, вернее, около всеми любимой Марии Александровны Сундукианц была масса публики, и ее популярность выходила за пределы города, области, Кавказа. Умные бюрократы, крупные коммерсанты Кавказа, люди, которые считали себя государственно мыслящими личностями, презирающие нас и революцию, говорили о М. А. Сундукианц с большим уважением. А Армянское общество считало ее самой умной армянской женщиной. Я передаю чужие мнения, потому что М. А. стала мне и моему мужу близким человеком и мне неловко расписываться ей публично в своих симпатиях. Ее имя войдет одним из первых имен в освободительное движение и России, и Армении. Ее

большой поклонник и советчик во всех своих с.-ровских делах был доктор Атабекян (521), так трагически погибший в гражданскую войну.

Инженер Никита Моисеевич Мост (522), директор Манташевских промыслов, оказывал, благодаря М. А., тысячи нам одолжений. Другой какой-то инженер-химик со станции электрической энергии по фамилии П. давал нам ночевки и рисковал с нами ежедневно.

Еще в Балаханах была Елена Ивановна (523), учительница, которая в совете съезда нефтепромышленников питала с.-ровской крамолой весь учительский союз. Еще была одна учительница — армяночка и ее брат, фамилию, к сожалению, забыла, жившие в типографии, носившие в себе традиции армянско-с.-ровской организации с некоторым определенным налетом.

Все члены были под нравственной опекой и давлением Марии Александровны Сундукианц. Это — Степан, Леван, Сако и его жена Аня (524), не состоящая ни в какой организации, впоследствии выросла в хорошую работницу.

Район Балаханы вели три наших комитетчика: Фома, нелегальный студент, дядя Коля, работающий в кооперативе, от интеллигенции — учителя и, наконец, М. Н. Успенская, по профессии врач, окончившая медицинские курсы в Питере. Фома работал со мной очень мало и наш состав комитета не составил о нем никакого мнения. До нас был момент, когда он был головщиком организации, накануне нашего приезда сменил его Виктор, тоже нелегальный, но Виктор был в городе, а Фому заменял дядя Коля.

Фома так скоропалительно ушел из партийной работы, сразу оделся в панаму и белые брюки, что его никто не узнавал. Он избежал одного свидания со мной, чему я не придала никакого значения, но, оказывается, это его было последнее партийное дело, и он резко порвал с подпольем. Он стал затем заведующим отделением кооператива в Черном городе, но, несмотря на странный уход из организации, никаких гадостей нам не делал. Устал ли, надоело ли голодать, не хватало ли выдержки, но ушел, куда хотел.

Дядя Коля был мягче, интеллигентнее и у него была чисто русская совестливость, он долго нас не покидал и, уйдя в кооператив, всегда продолжал распространять литературу, собирать деньги, но на собрания не приходил. Я замечала часто в организациях ответ любой у себя на глазах: не то чтобы они трусили или боялись, или надоело, а какая-то внутренняя усталость заполняла их, будто какой-то пар отработал, ушел в неожиданную для самого объекта минуту. «Не могу, устал». И так уходил без ненависти, без разочарования навсегда из революции.

Мне пришлось из-за ухода их обоих с Виктором ездить в Балаханы на организационные собрания, покуда М. Н. Успенская не произвела отбора в свои высшие школы и когда слушатели ее не взяли на себя работу ушедших интеллигентов. Это были — рабочий Зайцев, кажется, Пархоменко (525) и Александр.

Александр, главным образом, по организационным делам, Зайцев и Пархоменко больше насчет теории и программы просвещали Балаханы.

Когда мне приходилось с Виктором после 8 часов вечера при страшном ветре в феврале или марте шлепать по лужам, попадать в мазут, потерять дорогу на промысел, так как извозчика отпускали

заблаговременно из-за конспираций назад, пачкаться и задыхаться в керосиновых запахах, я понимала, что работать среди нефтедобытчиков — не легкий труд.

Балаханы у меня лично отняли мало времени в смысле кружковой работы, а организационно приходилось больше всего работать там, потому что Балаханы — база партийной работы и больше всего комитет уделял им внимания. Но мы были уже тем спокойны, что в этом районе работает М. Н. Успенская, которая с 16–18 своими слушателями успевала давать то, что не всякий бы мужчина дал бы.

Кроме ее двух школ там были первостепенные кружки, которые и велись этими рабочими вполне самостоятельно. «Понимаешь, знаешь», — Егорка-агитатор, хоть кому угодно голову мог заговорить; работал в Балаханах, потом состоял членом Учредительного собрания от Тамбовской губернии.

Мария Николаевна Успенская, была женой Д. Я. Дорфа, а потому мне придется сказать и о нем несколько слов. Я поселилась в этой семье, и шестнадцатилетнее наше знакомство превратилось в дружбу. М. Н. по профессии — врач. Как партийная работница, она по праву может стоять в числе квалифицированных с.-р. работников. В революцию она вошла с 1903–1904 года, когда в числе 24 человек позднее была уволена с медицинского факультета в Питере за беспорядок. Но это ей не помешало окончить своевременно свое образование и стать врачом, быть на холере, отбывать вместе с мужем архангельскую ссылку, работать в Архангельской организации с.-р., служить и воспитывать, быть матерью, и «настоящей» матерью детей своего мужа, пяти малышей. Затем быть за границей, которая была дана д-ру Дорфу вместо ссылки в Архангельскую губернию. Интересно упомянуть, что популярность среди Архангельского населения, где д-р Дорф отбывал ссылку, превратилась в триумф, тогда его высылают еще севернее и, наконец, отправляют его вместе с женой за границу в виде наказания.

М. Н. время пребывания своего за границей использовала в смысле изучения философии по оригинальным источникам, имеющимся в редких экземплярах в немецких библиотеках. И когда я ее встретила потом позднее, это был уже всесторонне образованный и начитанный человек. Чтобы представить ее облик полнее, надо дополнить его тем, что М. Н. не сделалась замкнутым, сухим ученым человеком от груды книг, которые она поглотила за свои еще молодые годы, 25–26 лет ей было в то время.

Она великолепно знала театр и музыку. Знала русский театр и русскую оперу и знала Вагнера в совершенстве. Одна из немногих русских вагнеристок, она, будучи сама по себе не музыкантшей, знала в совершенстве все творения Вагнера, всю литературу о нем, все, что связано с памятью и наследством Вагнера — этого музыканта-философа. Для многих из нас она была прямо откровением в этой области. Эту женщину природа наградила массой способностей, и еще в большей степени лучшими душевными качествами демократки и революционерки. Уже одно то, что эта женщина заменила мать пяти чужим детям, больным туберкулезом, выращивала их, ходила за ними и воспитывала их, ни разу не выйдя из терпения, не крикнув, не рассердившись и не обидев чужого, капризного и больного ребенка, — отдавши им всю себя, больше чем на четверть века. Говорю о том, насколько она была выше и прекрасней обычновенной женщины.

Совершенно больная, она не оставляет районов после нашего бегства из Баку. Самых скомпрометированных людей она берет в дом и дает ночлег, пользуясь положением мужа. Когда она приезжает в Москву, то делает доклад о положении организации уполномоченному Ц.К. в присутствии нескольких товарищей.

Выдержанная и мужественная, она кончает доклад, отвечает на все вопросы и через полчаса в тяжелых муках рожает ребенка. Для слушателей этого заранее назначенного доклада — было это и неожиданно, и ужасно, что женщина-революционерка до последней минуты осталась верна своему долгу.

На этом я кончу свои повествования об этой редкой русской женщине.

Ее муж Д. Я. Дорф известен не только во врачебном мире, но и среди русских общественников его имя не раз повторяется. Долгая земская работа в Звенигородском уезде в Перхушково создает ему славу «народного доктора», нашего доктора. Так говорили в Перхушково в Московской губернии, так говорили в толпе на похоронах в 20-м году. Как заведующий детским питанием при Москоммуне, он жертвенно отдался помочи голодающим детям, вот почему бабы на похоронах, проталкивая детей к дровням, на которых тащила гроб лошаденка, крестясь, говорили: «наш доктор» — «народный дохтур».

Д. Я. Дорф на IX Пироговском съезде мужественно читает резолюцию съезда, а дальше... дальше ссылка, пересылки с одного места на другое. Где Дорф, там моментально реставрируется больница, которая и блещет своим хирургическим кабинетом, чистотой амбулаторий, халатов, полов и доброкачественностью пищи. Традиции Московского земства глубоко жили в нем, и он эти традиции прививал всюду, куда ни приезжал. Бывало, какой-нибудь паршивенький частнопрактикующий врач на общественной службе сразу оставлял свои дурные привычки, переставал солдафонить с больными и третировать средний персонал, как только попадал в сферу влияния доктора Дорфа.

Я уже встречаю в Баку Д. Я. Дорфа заведующим, то есть директором городской больницы. В течение полугода в городской больнице открывается хирургический корпус с такой операционной, что совет съезда нефтепромышленников и сами врачи были поражены. Операционная показывалась как нечто замечательное.

Д. Я. Дорф называл себя с.-ром. В подпольной организации он не работал, не умел, не знал, как, что и т. д. Программу партийную знал для себя, и этого ему вполне хватало, чтобы не делать никогда политических гафов (526).

В смысле общественном он был очень крепок, в смысле партийном он был под моральным давлением крупного человека — своей жены. Но если бы даже от него отобрать эту партийность, то и одной своей общественностью он покрыл бы не один десяток общественников.

Все, что у них делалось в доме через М. Н., как настоящую с-рку, и через Д. Я., редкого общественника-врача, было сплошным обвинительным актом против существующего строя, или же вся их обоюдная деятельность с точки зрения существующего строя представляла собой обвинительный акт по 101, 102, 126, 197, 128, 29, 32-й статьям Уголовного уложения.

* * *

Я вела с Тихомоловым весь Биби-Эйбатский район. Тихомолов был очень скомпрометирован и, находясь на полулегальном положении, только руководил организационной работой. У меня доходило до 6–7 занятий в неделю во всяких кружках низшего типа. Кружки имели текучий состав, иногда они разрастались до массовок-митингов. Это было, когда мы устраивали их на горах, которые замыкаются в конце Биби-Эйбат. Был также кружок высшего типа, в нем насчитывалось около 11–14 человек, с которыми я по очереди проходила тот или иной курс программы. Занятия, все в кружках высшего типа,

дали такие успешные результаты, что у нас получился выпуск пропагандистов, и мы для общего интереса стали устраивать общие собрания пропагандистов, которые протекали крайне интересно и продуктивно.

У себя в районе я просила моих пропагандистов посещать также и мои занятия с младшими кружками рабочих, тогда в конце недели на семинаре мне нечего было делать. Прослушав за целую неделю хотя бы рабочий вопрос, рабочие-пропагандисты уже не нуждались в моем руководстве.

Они вели самостоятельно собеседования и были крайне рады, когда я молча просиживала с ними несколько часов. Выходя, я поздравляла их, и успех их был для меня большой наградой, гораздо большей, чем для них.

Тихомолов умел так ловко передвигать с.-ровские ячейки из одного кружка в другой, так отбирать, соединять, одних вести вперед, других отставлять, что у него это все быстро выходило, как у чародея, и к тому же он сейчас же предлагал все новых и новых слушателей.

Много было там и организационной работы в районе. Обязательно созывалось собрание всего Биби-Эйбатского района, иногда подрайона, на которых, как правило, иногда происходили какие-нибудь недоразумения; потом еще раза четыре в месяц, кроме обычных занятий, приходилось мне ездить в этот район.

Никогда не удавалось ограничиться чисто партийной работой.

У меня установились с Тихомоловым самые лучшие отношения, несмотря на разницу лет и воспитание. На мою привязанность к нему, к этому редкому революционеру-старику, он отвечал отцовским глубоким уважением и вниманием, и это чувство прививал и другим.

Были у меня там два друга: рабочий Коля (527), чахоточный женатый молодой человек, из молокан, и рабочий Паша (528), несколько неуклюжий, толстый, но крайне спокойный человек. Выйдя из тюрьмы, к которой он очень спокойно отнесся, он поработал за упущенное время, как только хватало его железного здоровья.

Безработный, он устроил что-то вроде кузни у себя перед окнами и ковал железо и гайки, а к 6 часам, уже одетый «джентльменом», стоял за воротами и ждал нас. Никто из Биби-Эйбата ко мне на квартиру никогда не ходил, а на стоянке линейки или Коля меня поджидал, или у ворот Паша ждал. Ходила я туда мещаночкой одета. Шляпу, перчатки и зонтик оставляла у Зины, выходила черным ходом, садилась на линейку и ехала.

Настолько у меня был смиренный вид, что один парень щелкал, щелкал — плевал, плевал семечки, наконец, вынул горсть белых подсолнухов с конфетой ирис и сказал: «Ешь, ведь даром никто не даст, а мне тебя жаль, что трясеешься каждый день, тебя давно заметил, муж-то есть у тебя?» Вообще, на эту тему бывала масса курьезов.

Кроме Тихомолова, которого я считала головой организации, и двух названных рабочих, были крупными и старыми с.-рами на Биби-Эйбате рабочие — это четыре человека из правления труда.

Кроме них, человек восемь рабочих с разных промыслов входили в высший кружок. Я с большим интересом вспоминаю мою работу там. Моя работа на Биби-Эйбате была лучшим моим творческим периодом. Это было, если можно так выразиться, июль месяц моей революционной жизни и все, что было после... уже уклон.

Мне на промыслах в закрытых мазутных вышках, где ногам было по щеколду в мазуте, было так хорошо с моими учениками, что лучшей жизни я не хотела. Я была искренно привязана к ним и, проводя с ними наши собрания в 70–100 человек среди страшных, черных людей в мазуте и грязи, у меня кроме радости в сердце ничего не было.

У нас не было в Баку крупных событий, которые бы вошли в историю революции города, но у нас бывали инциденты, влекшие за собой всеобщую забастовку промыслов, хотя бы по вопросу Мерчитовского инцидента.

Все наши планы ко всеобщей забастовке оборвались в самом начале, и мне думается, что рабочие после первого заседания почувствовали свою слабость.

В Балаханских промыслах вспыхнула искра по какому-то инциденту: «Надо бастовать! — говорили рабочие, — и не сдаваться. Мы уже все позиции сдали, сейчас как раз время восстать...»

К нам прибежали в И. К. и просили явиться вместе с О. К., так как с.-д., и большевики, и меньшевики, ожидают нас для совместного действия. Ночью назначается собрание представителей всех промыслов.

— Что, как?! — ничего толком неизвестно.

Едем, от Областного комитета Степан, от нас — я, Постников, Виктор, Тихомолов. Узнаем подробнее, что рабочие на закрытие промысла и расчета рабочих решили ответить всеобщей забастовкой. Большевики за забастовку, меньшевики — не определенно. Мы — как? Не знали еще. Я лично была за забастовку.

Где-то ночью в огромной мастерской Манташевских промыслов собралось около трехсот человек. Все были выборные и лучшие рабочие. Было трудно протиснуться вовнутрь.

Наконец, собрались. Тихо стало. Просим избрать председателя. Два, три имени и хором называют товарища Нину, это — я. Весь зал поднимает руки. Прохожу вперед. Сконфузилась страшно про себя, сердце забилось, все-таки быстро выхожу. Смолкли. Стала говорить, и голос показался громким, ясным и чужим. Мне впервые пришлось выступать перед такой квалифицированной толпой и перед сливками с.-дем. Овладев собой, охладела, но никто не знал, как билось сердце...

Шло огромное собрание, страстное, неспокойное, держала всех. Записалось 75 человек. Все время формулирую, резюмирую, останавливаю, предлагаю. Уже за 12 часов ночи стрелка часов перешла.

Идем быстро, устала, стою уже пять часов на ногах в спрятом воздухе. Еще час, и конец. Какой? Еще конца не видно. Уже темные все мы от испарины и духа человеческого, но как один стоим, не двигаемся с места. Как быть?! — вытянем ли забастовку! Все кровью связаны с ней. Как быть?..

Где-то залаяла собака. Пауза. Патруль вбежал весь обалдевший: «Полиция!»

Как узел какой-то связался из людей, и сразу тиши магильная. Все слизились и поползли в соседний зал, «мастерскую». Что-то трещало, и сразу стало и пусто, и свежо. Вынули из окон железные решетки и сетки без шума из камня и выскочили на промысел. В полутемной комнате ходили, будто чужие, Виктор, Степан и Постников. Они искали меня. Сразу вошли два рабочих и понеслись вперед, указывая нам дорогу. Степан в сторону, Виктор и я с Постниковым неслись в гору, они почти несли меня. Мы слышали топот... Кого?

Свой, кажется, или бегущих людей, или скачущих коней.

Минут двадцать бежали. Только когда мы выбрались и подошли к неизвестному выходу, сторож не хотел открыть. С улицы бежали свои, рабочие: «Отворяй, это наши!» - «Где вы были, мы вас искали. Мы побежали промысел закрыть. Нас бы не взяли». Но мы уже спешим. Отряд всадников позади, все рассыпаются. Мы скрываемся у директора промысла Н. М. Мерчита (535). Он нас кормит роскошным ужином и смеется над нами, как мы блестяще провели забастовку...

Еще полчаса, и роскошные кони и ландо везут нас к поезду на станцию. Инженер нас провожает. Мы встречаем полицию и патруль, нас останавливают. Н. М. встает: «Вы, г-н пристав, меня разве не узнали?» — «Извините».

Мы важно проезжаем дальше. Час ночи, и мы уже в городе. Берем извозчика. Уже близко дом, но вот опять патруль: «Стой!» Лошадей держат, мужчин обыскивают, они покорно слазят с фэтона, встаю и я (шикарная шляпа и манто спасают). — «Женщину не надо!» — околоток извиняется, отдает под козырек, и мы опять в фэтоне.

Так широко было известно о готовящейся забастовке и так удачно мы ушли. Забастовка не вышла, но организации не были выбиты из колеи. Положение пока было устойчиво.

Приблизительно с этого времени мы стали замечать слежку за квартирами. Перестали совершенноходить к М. А. Сундукианцу, а если встречались, то с большими предосторожностями. Квартира М. А. была вместе с книжным магазином «Сотрудник». У нее, кажется, был обыск будто бы исключительно по изъятию конфискованных книг. Кажется, и М. А. тоже считала обыск симптоматичным, но, как старый революционер, соблюдала все необходимые правила конспирации.

Приехал Воронов и хотел остаться работать. Мы, желая как можно конспиративнее обставить общее собрание, устроили его в каком-то ауле, далеко, верст за семь от Баку. Собрание прошло очень интересно и оживленно. Мы собирались в таких условиях, что ни в сказке сказать, ни пером хорошо описать.

Хозяин предоставил нам сад-виноградник и огромной величины персидский ковер, на котором мы свободно уселись, свыше 75 человек. Вокруг спускались кусты винограда, журчала вода из бассейна, а на ограде огромного бассейна примостились в великолепнейших шелковых чадрах красавицы-мусульманки. Они смотрели на нас потихоньку, открывая покрывала и сверкая глазами, как свечи, и зубами, как перламутр. И только изредка гнусно кричали ослы, медленно качающие сами по себе воду из колодца в бассейн.

Мы вырвались из такого ада, из такой духоты и черноты, что не заметили, как вечер подошел, как съели несколько корзин винограда, как спустили персиянки перед своим владыкой покрывала и покорно ушли спать.

Мы рассмотрели потихоньку убористо набранную брошюрку резолюций и не заметили, как день прошел. Воронов, молча, прокурил заседание, он всегда курил, и через день уехал: «Мне нечего здесь делать!»

Собирались мы иногда у Емельяна и Клеопатры на водокачке. О них я писала в киевском отделе, но там произошли стычки у Емельяна с рабочими, как у заведующего, взаимное мордобитие, что даже после третейского разбирательства между с.-ром Емельяном и рабочими не хотелось пользоваться его услугами. К этому прибавилась еще одна неприятность, которая вывела Емельяна из рядов с.-ров.

В один прекрасный день был арестован г-н Секерин (536), служащий городской управы, когда его вели этапом в тюрьму, он крикнул: «Меня посадил Емельян, с.-р.». Секерин бежал с поселения — это Вайнштейн (537) по процессу совета рабочих депутатов, он был от с.-д. меньшевиков, Авксентьев от с.-р. арестован 04.12.1905. Вслед за этим был арестован и Емельян.

Когда его освободили под поручительство двух лиц, занимающих общественное положение, то оказалось, что он не числился ни за каким делом и напрасно несколько лет был на нелегальном положении, а Секерин получил каторгу за побег с поселения.

Предательства или чего-либо в этом деле не было, просто Емельян очень легкомысленно получил от пристава за 15 рублей паспорт, обещал приставу богатую клиентуру, так как Секерину нужно было продолжить фальшивый паспорт, то он просил Емельяна помочь ему, тот направил его к приставу, а пристав получил инструкцию задерживать такого рода клиентов и Секерин был первая и последняя жертва.

По партийному суду Емельян был оправдан, но вся обстановка этого дела, трусость и растерянность во время обыска не располагали к нему, и он очень быстро эмансионировался от революционных традиций.

К этому времени у нас назревала нужда устроить конференцию с армянской с.-р. организацией и уже, как мне помнится, на первом же заседании нам пришлось разбежаться.

Собирались мы на совершенно новой квартире в Белом городе и, прибыв все поодиночке, мы почувствовали, что окружены сетью шпиков, нищих уродов, мальчишек-попрошаек, гороховых пальто. Неумелые нищие, исполняющие функции сыщиков, делились в духанах со своими знакомыми о своих новых обязанностях, а те пальцами нам указывали таким способом: тыкали себе пальцами в глаза, указывая на сыщиков, а нам указывали на галстук, начиная его завязывать и развязывать. Мы моментально разбежались.

Нас, то есть меня с Постниковым, направили на лошадях в Балаханы и по пути к нам прибавился бакунист и Виктор. Я страшно нервничала, так как Успенская должна была после амбулатории приехать и ходить по улице Белого города и ждать патруля. Патрули были сняты, чтобы с.-ровского духа там не было, и Успенская сразу поняла, что что-то неладное, и уехала.

Мы целый день высиживали на чужой квартире и только на другой день, просидев всю ночь на докладе, вернулись окольными путями, застав сидящих нищих перед домом каждого из нас.

Теперь приходилось нам тратить на заметание следов по несколько часов, к счастью, извозчики тогда не принимали участия в слежке и, меняя извозчиков, удалось скрываться.

Наконец, духанщик сказал Постникову, что за его квартирой следят, и, если ему что надо, то вы мне скажите, я этого хромоногого прогоню, а вы успеете и вернуться за это время...

Я жила на квартире Дорфа, ему через служащих больницы стало известно, что за его квартирой следят. Как раз все они уехали на дачу, и я осталась во всем доме одна с прислугой, мне казалось, что я всегда в центре наблюдения. Я работала в управе и никто не знал там, что я революционерка.

Знал там заведующий статистическим отделом с.-д. Смирнов (538), который сменил по этой службе Чермака (539), нашего с.-ра, известного статистика. Даже с Виктором, работающим в этом отделе, я совершенно не разговаривала.

В один прекрасный день вдруг вбегает ко мне в отделение невеста Смирнова, работающая стенотиписткой, и говорит: «Скорей, боковым входом наверх, за нами приходит сыщик, его сплавят, и тогда мы узнаем, в чем дело».

Выждав минут десять, я поднялась к заведующему, он сообщил мне следующее: «Интеллигентный господин вошел к нему в отделение и спросил, здесь ли Елизавета Викторовна, ему ответили, да». — «Нельзя ли узнать ее адрес?» Моментально сообразили, что лицо, спрашивающее меня, не желает стретиться, и потому предложили спуститься ему ко мне вниз, пока секретарь найдет просимый адрес в адресной книжке служащих.

И вот покуда секретарь отыскивал фальшивый адрес, меня успели предупредить, и когда лицо спустилось в мое отделение, я уже была наверху.

Но, оказывается, лицо вовсе меня не искало и исчезло.

Что за чепуха!

Заведующий и лица, посвященные в это дело, утверждали, что это сынок и что лучше, если я не буду ходить несколько дней на службу.

Я отправилась сейчас же в совет съезда нефтепромышленников, где секретарем медицинского отделения работал Постников, чтобы предупредить всех, посещающих квартиру Дорфа, неходить ко мне. Мне больше всего не хотелось провалить Дорфа с его пятью-шестью детьми, которых взад и вперед таскали по ссылкам и высылкам.

Прихожу домой, встречаю радостную кухарку, которая сообщает, что был очень хороший барин, что спрашивал меня и очень мною интересовался, и спрашивал, имеете ли вы супруга...

Кухарка очень была признательна посетителю, давшему ей на чай 3 рубля, и который еще придет, как ей казалось...

Меня страшно все это удивило и я, крайне расстроенная, осталась дома. Назавтра в 11 часов дня раздался звонок, прислуга открыла двери: «Елизавета Викторовна дома?» — «Да», — прислуга, полуоборачиваясь, говорит мне: «Вас спрашивают».

Момент. Дверь захлопывается, пришедший сбегает вниз, хлопает парадная дверь; с балкона я вижу согнутую фигуру, фетровую серую шляпу и... бегство. Человек был вчераший посетитель городской управы (ибо имел на себе ту же одежду). Дальше я уже перестала совершенно замечать за собой слежку и, переехав в квартиру Постникова, думала, что не могу его компрометировать.

К этому времени приехал Николай Яковлевич, настоящего имени которого я не знала до 1914 года. Мне он очень понравился своей сдержанностью, учтивостью и корректностью. Он не задавал лишних вопросов и не располагал к ним.

В нем чувствовалась культура Запада, и если я не ошибаюсь, то этот период был расцветом его партийной работы. Он из Организационного бюро по праву и по достоинству попал в ЦК.

Впервые он поднял вопрос о печатании в Баку центрального органа. К этому мы и приступили немного погодя.

У него было свидание у нас на квартире с главным из типографии Игнатом (540), по прозванию «Железный».

В это время случилось в организации большое несчастье. Виктор стрелялся у себя на квартире, и раненого его доставили в больницу к Дорфу. Еще за полчаса до этого он приходил ко мне.

Быстро ходил по комнате и напоминал мне, что надо к какому-то сроку дать деньги в типографию, дать деньги туда-то и туда-то. Говорил про девушку Зину, как тяжело ей служить при иностранной конторе, не перенести ли на чисто партийную ее квартиру. Говорил о тысяче и одном деле, которые всегда оказываются неоконченными, сколько их ни делай.

Виктор был очень добрый, вегетарианец, толстовец, муhi не убьет, и круг его обязанностей по отношению человечества не замыкался партийной публикой.

Как-то раз пришел нищий в статистику и его долго служитель не пускал в комнату, где раньше сидел Чермак. Наконец как-то он проник туда, но в комнате сидели все старые чинуши и только я одна из статистики. Нищего гнали, он жался на месте, говоря одно: «Мне бы Чермака повидать!»

Как-то интуитивно я поняла, что это не нищий, и говорю ему: «Хорошо, приходите ко мне, я знаю одного господина, знакомого Чермака». Побежала к Виктору и говорю: «Знаете, кто-то спрашивал Чермака, нищий какой-то, похож одеждой на сыщика, но лицо наше, с.-ровское, вы меня все будете ругать, что позвала к себе на квартиру».

Виктор меня успокоил, что это ничего. И вот через два часа, шатаясь и падая, к нам ввалился «нищий». Он не ел около недели. Он шел месяц пешком, на побег из Тобольской области у него ушло восемь месяцев. Чермак послал ему деньги на побег, но в это время переехал в другое место, и беглец его потерял. Три дня до прихода ко мне он спал под лодкой, чтобы набрать немного сил...

Виктор перед самоубийством беспокоился и об этом пришельце. Таков был нравственный облик этого прекрасного человека — революционера.

Заканчивая настоящую главу, скажу несколько слов о самом городе Баку. Баку был очень чистый город, гораздо чище Москвы и Питера, но не надо думать, что санитария там так уж процветала. Доктор Дорф занялся поднятием этого дела, но температура там самый хороший санитар. Счастье города, что температура в 55 градусов в период летних месяцев убивает все нечистоты. К сожалению, отсутствует канализация. Помойные ямы, заполненные до отказу, высыхают моментально. Точно также погибают и холерные бациллы уже при температуре в 0 градусов. При нас был только один холерный случай в городе: палач, приехавший на дело, умер в день своего приезда в тюрьме от холеры.

Комментарии

484 Курим — с.-р., Баку.

485 Тихомолов, кличка «Тихомолыч» — с.-р., Баку.

486 Виктор — с.-р., нелегальный, ведал городской организацией ПСР в Баку, толстовец, «прекрасный человек — революционер». Баку.

487 Фома нелегальный — с.-р., Баку.

488 Дядя Коля полулегальный — с.-р., Баку.

489 Степан — член областного комитета ПСР в Баку.

490 Семен Саркисович Саакян (Сако) (1884–1937) — член П.С.Р. с 1905 г. В 1917 г.- председатель Бакинского совета рабочих и солдатских депутатов. С 1920 г. работал в Советском торгпредстве в Берлине. В 1930 г. вернулся с семьей СССР, преподавал экономические дисциплины. В 1937 г. — арестован и приговорен к расстрелу.

491 Леван — с.-р., Баку..

494 «Тарас» Бахметьев, видный конспиративный работник ПСР в Баку, идеолог ликвидации нелегальной организации.

495 Владимир Михайлович Зензинов (1880, Москва — 1953, Нью-Йорк) — российский политический деятель и журналист, корреспондент. Один из лидеров ПСР, с 1909 г. член ЦК. Автор статей в журналах «Знамя труда», в том числе под псевдонимом «Ал.Клюев».

496 Акционерное нефтепромышленное и торговое общество «А. И. Манташев и компания» в 1904 г. по добыче бакинской нефти уступало только компаниям «Братья Нобель» (Манташев имел долю и там), и «КавказскоЧерноморскому обществу», во главе которого стояли Ротшильды.

497 Баиловская тюрьма — Баиловский следственный изолятор № 1 (Баку) для политических заключенных: она известна тем, что во времена Российской империи в ней содержались знаменитые революционеры, а также как место содержания и казни смертников (с 1920-х гг.).

498 Шахсей-Вахсей (перс.) — у мусульман-шиитов: религиозная церемония, имитирующая страдания и гибель потомков халифа Али (зятя Мухаммада); сопровождается постом, самоистязаниями (самобичеванием) и возгласами: «Шах, Хусейн! Вах, Хусейн!» (отсюда название).

499 Союз моряков Каспийского торгового флота к 1910 г. был самой крупной рабочей организацией в Баку, насчитывающей до 2 тыс. членов. Работа Союза велась под контролем исполкома БО ПСР, который делегировал в Союз своих работников, идейно руководивших его деятельностью.

500 Семен Иванович Верещак, «Костя» (? — после 1936?), с.-р., «легендарная личность по бесстрашию и сообразительности». В 1917 г. председатель исполкома Тифлисского совета солдатских депутатов. На I Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов избран членом ВЦИК. В феврале 1918 г. комендант и председатель штаба по охране г. Тифлиса. В 1921 г. эмигрировал вместе с членами правительства Грузии. Сотрудник РЗИА в Праге (1924–1927). В 1924–1936 гг. в «Русском архиве» (Прага, Югославия). Автор воспоминаний о встречах со Сталиным в Баиловской тюрьме в Баку и жизни с ним в ссылке в Колпашеве («Дни», 1928. 22, 24 янв.) и рукописи «Революция в Закавказье». Сотрудничал в журнале «Воля России», где публиковал статьи об экономике СССР и свои воспоминания.

501 Курилка, с.-р., немолодой учитель, Баку.

502 Шура, с.-р., жена Курилки.

503 Семен, с.-р. в Баку.

504 Федор Андреевич Стадников («Вася»), с.-р. В списках членов Всероссийского учредительного собрания не найден. См. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 1216. Дело: об А. Седове, А. Черново-Хрустикове, Ф. Стадникове, привлекавшихся к дознанию за хранение взрывчатых веществ и нелегальной литературы в г. Кизил-Арвате. Крайние даты дела: 02 июля 1907–09 февраля 1909. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 34. Д. 432. Дело: о мещанке Ревекке (Вере) Фишелевой Корсунской и дворянине Николае Семеновиче Павлове (в действит. Федор Андр. Стадников).

505 Сережа, с.-р., моряк, Баку.

506 Костя, председатель Союза моряков в Баку.

507 Щеглов (Федотов) (? — до 1917), родоначальник кооперативной организации в Баку, арест, смерть.

508 Баласян, с.-р., приказчик обувного магазина в Баку.

509 Исаак, рабочий, еврей, член Комитета ПСР в Баку.

510 Василий, с.-р., владелец прачечной в Баку.

511 Александр-Саша, эсер, служащий в кустарном магазине, активист ЦБ профессиональных союзов (Баку).

512 Софья Ивановна, с.-р., акушерка в Баку.

513 Зина, хозяйка в какой-то иностранной фирме, предоставляла эсерам свою квартиру.

514 Вера (Ревекка Фишелевна) Корсунская, вернулась в Баку из астраханской ссылки. Была сослана за работу в кишиневской типографии «Искры». В Баку принимала активное участие в организации и работе клуба «Наука».

515 Надежда Дерзиобская, вернулась в Баку из астраханской ссылки.

516 Елизавета Моисеевна, с.-р., фельдшерица в Баку.

517 Галкин, врач в Баку.

518 Иван Михайлович Тер-Оганян (Оганов) (1887, Баку — после 1921), с.-р. В Баку, в 1922 г. был арестован «по делу закавказских эсеров» за поджог нефтяных скважин и был сослан на год в Архангельск.

519 Рубен Михайлович Тер-Оганян, юрист. Председатель комитета П.С.Р. в Баку (1917).

520 «Князь», с.-р., южный областник (Баку).

521 Атабекян Левон Николаевич (1875–1918), врач и общественный деятель в Баку, член П.С.Р. с 1907 г., член областного комитета П.С.Р. в Баку (1917). Член Бакинского Армянского Национального Совета. Трагически погиб в гражданскую войну, призывая противоборствующих к примирению.

522 Никита Моисеевич Мост, директор нефтепромышленного и торгового общества «А. И. Манташев и Ко».

523 Елена Ивановна, с.-р., учительница в Баку.

524 Анна Яковлевна Саакян, жена С.С. Саакяна.

525 Александр Пархоменко, с.-р. в Баку.

526 От французского “gaffe” — промах, оплошность.

527 Коля, с.-р., рабочий из молокан, помощник Лизы по работе в Биби-Эйбатском районе Баку.

528 Паша, с.-р., безработный, помощник Лизы в Биби-Эйбатском районе Баку.

535 Н.М. Мерчит, директор прииска в Баку.

536 Секерин, см. Вайнштейн.

537 Семен Лазаревич Вайнштейн (Звездин, Звездич, Николай Иванович Секерин) (1879, Курск — 1923, Берлин), с.-д., неоднократно подвергался арестам и ссылке. Один из руководителей союза механических рабочих в Баку, служил в городской управе. Занимался нелегальной работой сначала в Петербурге, потом в Баку (под именем Ник. Ив. Секерина). Снова арестован в Баку в 1910 г.

538 Смирнов, с.-д., заведующий статистическим отделом городской управы в Баку.

539 Лев Карпович Чермак (1863 — после 1919), народоволец, с.-р., заведующий статистическим отделом городской управы в Баку. В 1919 г. его следы теряются в Ростове-на-Дону.

540 Игнат по прозвищу «Железный», главный по с.-р. типографии в Баку.